

Виноградова Виктория Викторовна

[ДУХОВНЫЕ ОСНОВЫ ЭСТЕТИКИ ДЕКАДАНСА](#)

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2009/11-2/2.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

[Альманах современной науки и образования](#)

Тамбов: Грамота, 2009. № 11 (30): в 2-х ч. Ч. II. С. 10-13. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2009/11-2/

[© Издательство "Грамота"](#)

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Сыск проводился под личным наблюдением царя в течение года. Сыскные мероприятия можно разделить на два этапа. *Первый этап* (5 декабря 1665 года - середина февраля 1666 года) проводился силами полка столичных стрельцов А. И. Лопухина. До середины января в Вязниках действовала особая следственная комиссия князя И. С. Прозоровского. В ее составе были также дьяки Тайного Приказа А. С. Матвеев и Ф. Михайлов.

Второй этап (февраль-октябрь 1666 года). Выявлением «капитонов» занимались местные Вязниковские власти во главе с С. Чаадаевым, но в их распоряжении также находились столичные стрельцы Конные стрельцы сотников Ю. Комарина, Ф. Молчанова, М. Сивцева. Не смотря на значительное число арестованных «капитонов» А. Лопухин получает указание ужесточить ход сыска, после чего тот предпринимает ряд конных походов в лес общей продолжительностью около недели. Эти походы подтвердили широкие связи местных крестьян с пустынниками и укрепили подозрения о связях с раскольниками игумена Благовещенского монастыря Моисея. За ним было установлено наблюдение, а его брат Меркурий был арестован, однако эти меры запоздали.

Стрельцы доносили о том, что кто-то предупредил Вязниковских пустынников и ряд келий оказались оставленными. В сыске принимали участие Архимандрит Антоний и Ключник Андрей Пекин. Всего ими было арестовано 55 человек и сожжено 30 келий. Сыскные мероприятия показали, что Юхрские старцы во главе с Вавилой, получившим капитоновские вериги от старца Сильвестра, прямого ученика Капитона, склонялись к тактике бегства от мира - «крыжанию».

Кшарские пустынники: старец Леонид и чернец Вавила Молодой находились под влиянием эсхатологических идей и выступали с проповедью скорого конца света, за что, после допроса были казнены [РФ ГАЯО, д. 1434, л. 8]. Их имена были внесены в старообрядческие поминальные синодики в часть «иже на Вязниках пострадали» [РФ ГАЯО, д. 1406, д. № 1442, д. № 1435].

Результаты правительственных сысков 1665-1666 годов несколько проясняют и судьбу самого основателя Вязниковского центра инока Капитона. «А старец де Капитон ... холоп твой, имал в прошлом 170-м году из лесу пустынников и кельи жег за Клязьмою, а Капитон де под теми келиями». Сведения эти подтверждаются показаниями чернеца Варнавы, взятого в конце декабря 1665 года стрельцами на озере Юхра. «А про Капитона де старца, он слышал, что в тех пустынях он жил и прикован к цепи и умер давно. А сам Варнава его Капитона не видел» [Румянцева, 1986, с. 79]. Несмотря на уничтожение Московскими стрельцами Вязниковского центра и получения сведений о смерти его основателя имя инока Капитона оставалось популярным в народе до конца XVII века. Складывались легенды о том, что он жив, благополучно скрывается от сысков и продолжает проповедовать. Традиция эта сохраняется до начала XIX века. В 60-х годах XVII века инока Капитона искали в Нижегородском и Муромском уездах, в 80-х гг. в Кинешемском и Костромском.

Список использованной литературы

1. **Бычков А. Ф.** Заметка о хронографе Ярославского священника Ф. Петрова. М., 1890. 270 с.
2. **Денисов С.** Виноград Российский или описание пострадавших в России за древлецерковное благочестие. М., 1906. 198 с.
3. **Ефросин инок.** Отразительное писание о новоизобретённом пути самоубийственных смертей // Памятники древней письменности. 1895.
4. **Клибанов А. И.** История религиозного сектантства в России. М., 1965. 345 с.
5. **Клибанов А. И.** Народная социальная утопия в России. Период феодализма. М., 1977. 96 с.
6. **Пыпин А. Н.** Сводный старообрядческий синодик. СПб., 1883. 168 с.
7. **Ростовский Дмитрий.** Розыск о расколнической Брынской вере. М., 1742. 673 с.
8. **Румянцева В. С.** Народные антицерковные движения в России в XVII в. М., 1986. 295 с.
9. **РФ ГАЯО** (Редкий фонд Государственного архива Ярославской области). Д. 1434. Л. 8.
10. **РФ ГАЯО.** Д. 1406. Л. 12-23; Д. 1442. Л. 2-14; Д. 1435. Л. 14-16.
11. **Титов А. А.** Калясниковский синодик. М., 1895. 246 с.
12. **Шульгин В. С.** Капитоновщина и её место в Расколе // История СССР. 1969. № 4.
13. **Crummey R. O.** The old believers. The world of Antichrist. Madison; Milwaukee; London, 1970. 249 p.

ДУХОВНЫЕ ОСНОВЫ ЭСТЕТИКИ ДЕКАДАНСА

*Виноградова Виктория Викторовна
Волжский институт экономики, педагогики и права*

Эпоха декаданса является значимой вехой в истории русской культуры. В художественной ментальности этот период отмечен мировоззренческим кризисом, выразившим не предельно индивидуальное видение мира, а, сообразно русскому менталитету, «соборную» душу народа как в вечном ее состоянии, так и в новых исторических условиях, связанных с воздействием на культуру Серебряного века философии З. Фрейда, А. Шопенгауэра, Ф. Ницше, индуизма, буддизма, синкретичных в своих основах теософских исканий. На смену материализму и позитивизму приходит интерес к невыявленному, иррациональному, к духовно-нравственным началам бытия. М. Элиаде полагал, что в Европе начало XX в. имело подобие эпидемии псевдодуховности, характерной чертой которой стало стремительное погружение в квазирелигиозные искания.

Характеризуя их содержание, он писал: «Этот бунт не предполагает теологической или философской критики определенных догм и церковных институтов, а выражает, скорее, неудовлетворенность более глубокою: Более общим же является отрицание христианской традиции во имя предположительно более широкого и эффективного метода достижения индивидуального, а заодно и общественного, обновления (renovatio)» [Элиаде, 2000, с. 109].

Стремясь найти новые ориентиры в постижении места человека в мире, отечественная интеллигенция обращается, прежде всего, к духовным основаниям бытия. На первый план выходит проблема преодоления позитивистско-атеистических взглядов через возвращение к утраченному живому религиозному чувству. Актуализация данной проблемы рождает среди мыслителей конца XIX - начала XX веков особый интерес к религиозному сознанию в контексте поисков возможных путей его обновления. Различные религиозные проекты призваны к модернизации православия с целью сближения церкви с жизнью, результатом достижения которой должно стать духовное возрождение на почве истинного христианства. Соответственна и цель художественных исканий в исследуемую эпоху – обретение форм, могущих органично и целостно воплотить мыслимые религиозные проекты. Для постижения сути «нового религиозного сознания» как способа преодоления духовного и художественного кризиса актуальными представляются размышления Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, Д. С. Мережковского, В. В. Розанова, Вл. С. Соловьева, П. А. Флоренского, С. Л. Франка, в работах которых даются варианты моделей преодоления обозначенного кризиса. Новый этап русской религиозной мысли начинается с В. С. Соловьева и достигает своего апогея в период «русского религиозного ренессанса» - в частности, у его последователей: философа Николая Бердяева и особенно у теоретиков неоправославия: о. Павла Флоренского, о. Сергея Булгакова и у некоторых других религиозных мыслителей первой половины XX века. По словам Н. Бердяева, «одним из проявлений нашего ренессанса было создание русской религиозной философии. В начале XX века у нас появился целый ряд ценных философских трудов, в которых наметилась своеобразная линия русской философии. В то время как в Западной Европе еще господствовали позитивизм и неокантианство, в России обнаружился поворот к метафизике, к онтологическому направлению. Некоторые последующие течения европейской мысли были предвосхищены в России, многое из того, что впоследствии утверждали М. Шелер, Н. Гартман и экзистенциальная философия, раньше высказывалось русскими философами начала XX века. Русская религиозная мысль начала XX века была несомненным модернизмом на православной почве, как модернизмом можно было уже назвать мысль Хомякова, Вл. Соловьева, Достоевского, Бухарева. Это был выход за рамки традиционного официального православия. Но этот русский модернизм очень отличается от модернизма западного, католического и протестантского. Основными мотивами его были несогласование христианства с современной наукой и современной политической жизнью, и менее всего модернизм этот означал сомнение в божественности Иисуса Христа. Мотивы его были чисто религиозные, духовные, мистические. Русским религиозным течениям разных оттенков был свойствен пневмоцентризм. Русская христианская мысль была существенно пневмоцентрична, и в этом ее отличие от западной» [Бердяев, 1910, с. 97].

Характеризуя религиозно-философское оживление русской мысли в начале века ученый протоиерей, профессор Сергиевского православного богословского института в Париже, отец Василий Зеньковский в «Истории русской философии» пишет (т. II, ч. IV, гл. II): «Для русской жизни в XX веке характерно не только революционное движение в социально-политической области <...> не менее характерно революционное или реформистское движение и в религиозно - философской области. Это движение развивается под знаком «нового религиозного сознания» и строит свою программу в сознательном противопоставлении себя историческому христианству, - оно ждет новых открытий, создает (под влиянием Вл. Соловьева) утопию «религиозной общности», а в то же время насыщено эсхатологическими ожиданиями. Эти отражения многообразны и различны, а в то же время они оказались очень плодотворны для развития русской философской мысли» [Зеньковский, 1995, с. 58]. «Новое религиозное сознание» является одним из направлений в русской философской и общественно - политической мысли, связанным с позитивизмом и материализмом, ориентированным на научное познание и представленным академической философией идеалистического направления (в основном кантианского типа), тяготеющего к идеологии политического консерватизма [Волкогонова, 1995, с. 327]. Особенностью этого течения было то, что оно подхватило и развило традицию философствования, заданную Ф. М. Достоевским и В. С. Соловьевым и не нашедшую себе достойного места в двух отмеченных направлениях. Датой формирования «религиозного сознания» как течения русской религиозной мысли принято считать 1901 год, когда в Санкт-Петербурге стали проводиться Религиозно-философские собрания, инициаторами которых выступили Д. С. Мережковский, его жена З. Н. Гиппиус, Д. Философов и В. В. Розанов. В движении к «новому религиозному сознанию» ясно проявилась та тенденция, которая всегда присутствовала в русской философии, но редко выступала в столь откровенной форме - тенденция к возрождению «истинного смысла христианства, утраченного исторической церковью» [Там же, с. 328]. О работе общества и о собраниях у Мережковских писал в своих воспоминаниях Н. А. Бердяев. По его мнению, ценность собраний, проводимых религиозно-философским обществом, заключалась в том, что они давали начало диалогу представителей русской интеллигенции, «заболевших религиозным беспокойством», с иерархами церкви. На собраниях председательствовал ректор Петербургской Духовной академии епископ Сергей. Кроме него из церковных иерархов присутствовал епископ Антоний, впоследствии один из лидеров «новоцерковского» раскола.

Со стороны светской культуры, помимо самих Мережковских, на собраниях присутствовали А. В. Карташев, В. В. Розанов, Н. Минский, В. А. Тернавцев, в то время чиновник священного синода и другие представители столичной богемы. Согласно Д. С. Мережковскому, «русские декаденты» были «первыми в русском образованном обществе самозародившимися мистиками» [Мережковский, 2000, с. 11], стремившимися отдаться революционно-эсхатологическим настроениям, ищущими нового религиозного сознания. Характерной чертой «декадентского» богоискательства была мысль о неудаче исторического христианства, о его обреченности, о необходимости найти новые пути религиозного сознания. В. Розанов критиковал историческое христианство во имя Ветхого Завета. Д. Мережковский исходил из противопоставления христианства античности, считая историческим христианством - а практически Церковь - одностороннее благовестование. Создатель «Третьего Завета» был убежден, что историческое христианство не вместило в себя «правды о земле», «правды о плоти», и потому «отныне должна раскрыться во всемирной истории... правда не только о духе, но и о плоти, не только о небе, но и о земле» [Там же, с. 34]. «Веяние духа пронеслось над всем миром в начале XX века. Наряду с серьезным исканием, с глубоким кризисом душ, была и дурная мода на мистику, на оккультизм, на эстетизм, на пренебрежительное отношение к этике, было смешение душевно-эротических состояний с духовными.<.....> То было освобождением человеческой души от гнета социальности, освобождением творческих сил от гнета утилитарности» [Бердяев, 1989, с. 142]. Большинство декадентов, не довольствуясь скептицизмом, шло по пути мистических исканий. По словам Н. Бердяева, «декадентское отношение к мистике тем ужасно, что так легко в нем подменяется мистика *мистификацией*. Декадентская мистика насыщена мистификацией. Ведь соблазнительно за отсутствием реальной мистики утешиться мистикой не реальной, а иллюзорной, выдуманной. Мистификация потому только и предсудительна, что в ней не достигается реальность бытия. Не реальная, как бы «идеалистическая» мистика и есть мистификация, так же как слишком реальная мистификация становится мистикой. При декадентском мироотношении грань, отделяющая мистику от мистификации, почти незаметна, слишком истончена: мистика декадентская в значительной степени мистификаторская, она нереальна, в ней нет ещё ощущения, что шутики плохи, но и мистификация декадентская иногда близка к мистике, касается мистической реальности, не сознавая опасности игры с огнем. В пределах декадентских переживаний никогда не может быть признана вся безмерность различия между мистикой и мистификацией, реальностью и иллюзорностью. Декадентство роковым образом остается в замкнутом кругу субъективности, соблазняется солипсизмом, утончает и усложняет человеческое, но не соединяется с божеским» [Там же, с. 151].

Характерной чертой религиозно-философской мысли Серебряного века была эсхатологическая направленность, свойственная русскому мышлению в большей мере, чем мышлению западному. По мнению Н. А. Бердяева, это связано с самой структурой русского сознания, мало склонного удержаться на совершенных формах срединной культуры [Бердяев, 1910, с. 191]. Именно поэтому русским религиозным мыслителям были близки пророчества Иоахима Флорского о новой эпохе Святого Духа, эпохе любви, дружбы, свободы. В творчестве Д. Мережковского эта мечта воплотилась в наибольшей мере и выразилась с созданной им системе «неохристианства», религии Третьего Завета [Волкогонова, 1995, с. 192].

В пределах декадентства рубежа веков «богоискательство» и «богостроительство» не переходили еще в законченные религиозно-метафизические концепции объективно-идеалистического типа, а выливались в субъективную мистическую настроенность, фатализм, трепет перед непознанным, таинственными роковыми силами, в тягу к иррациональному, бессознательному, в тщетную тоску о боге, о вере, о «чуде», спасающем от гибели (З. Гиппиус, Ф. Сологуб, К. Бальмонт). Термины «богостроительство» и «богоискательство» весьма точно характеризуют основную историческую коллизию эпохи, отношение к культурной традиции, к абсолютным ценностям, лежащим в ее основании. Под богоискательством понималось, прежде всего, «религиозно-философское течение в среде русской либеральной интеллигенции, возникшее в атмосфере назревших в предреволюционный период общественных перемен и получивших широкое распространение после поражения Революции 1905-1907 гг.» [Адамович, 2002, с. 37]. Отмечалось, что богоискатели предлагали «перестроить современные формы гражданского быта и человеческого существования на основе обновленного христианства» [Там же]. При этом подчеркивалось, что богоискательство было враждебно теории марксизма и игнорировало классовый характер общественных отношений, на основании чего делался вывод о его реакционной сущности [Там же, с. 40]. Богостроительство рассматривалось, как «этическое течение, возникшее в среде марксистских литераторов в I-м десятилетии XX в. в России, трактовавшее созидательную деятельность человечества как религиозную» [Там же, с. 46]. Богостроители стремились разрешить личностные проблемы путем обоснования «новой пролетарской религии без Бога, которая фактически превращалась в обожествление коллектива и прогресса...» [Там же, с. 48].

В свою очередь прослеживался интерес к западным мистикам и теологам. Почти каждый значительный поэт этой эпохи, так или иначе, тяготел к той или иной форме мистического поиска. Н. Гумилев писал: «Русский символизм направил свои главные силы в область неведанного. Попеременно он брался то с мистикой, то с теософией, то с оккультизмом. Некоторые его искания в этом направлении почти приближались к созданию мифа...» [Кристиан, 2000, с. 126]. Эти веяния пришли в Россию с того же Запада.

Е. Парнов отмечал: «Французские розенкрейцеры - каббалисты образовали вначале нечто вроде литературного общества, сыгравшего важную роль в становлении европейского символизма» [Парнов, 2006, с. 309]. По мнению Н. А. Бердяева, «от прикосновения Зла в русской душе произошел настоящий переворот ... в совершенно ином направлении, чем путь западной цивилизации ... это влияние раскрыло в русской душе буйные, дионисические, динамические, а иногда и демонические силы: культура и просвещение низвергли нормы, уничтожили перегородки, вскрыли революционную динамику» [Бердяев, 1910, с. 58].

В целом русская культура на рубеже XIX-XX веков развивалась в контексте европейской философско-поэтической мысли, являясь ее частью и отражением, но приобретая свою специфику: первостепенное внимание к метафизически понятой проблеме человека и предельным вопросам бытия, антимиметизм, усиливающуюся субъективизацию, лиризацию и повышенную эмоциональность художественного творчества, недогматическую религиозность, эстетизм, сознательное мифотворчество, общее тяготение эпохи к мировоззренческому синтезу. Утверждение декадентских настроений в Европе хронологически совпало с таким понятием в истории мировой культуры, как рубеж веков, который всегда воспринимался как особый период, концентрирующий в себе успехи и поражения, достижения и просчеты, старое и новое. Этот особый этап в социокультурной ситуации явился переломным моментом в истории европейского искусства, когда все отчетливее дает о себе знать ощущение исчерпанности старых художественных форм, когда ставится под сомнение традиционное понимание прекрасного, когда начинают колебаться основы художественного мироощущения. Именно на рубеже веков возникают различные учения (религиозные, философские, эстетические), пронизанные эсхатологизмом и отрицанием самого общества.

Список использованной литературы

1. Адамович Г. Мережковский // Мережковский Д. С. Pro et contra. Личность и творчество Дмитрия Мережковского в оценке современников. СПб.: Атлант, 2007.
2. Бердяев Н. А. Декадентство и мистический реализм // Бердяев Н. А. Духовный кризис интеллигенции: статьи по общественной и религиозной психологии (1907-1909). СПб.: Общественная польза, 1910.
3. Бердяев Н. А. Мережковский: новое христианство // Типы религиозной мысли в России: собрание сочинений. Париж: YMCA-Press, 1989. Т. 3.
4. Волконогова О. Религиозный анархизм Д. Мережковского // Философы России XIX-XX столетий: энциклопедия. 2-е изд. М.: Книга и бизнес, 1995.
5. Коган А. Б. Декадентство в жизни (заметки философа о кризисе буржуазной культуры). М.: Политиздат, 1966.
6. Коренева М. Д. Мережковский и немецкая культура // На рубеже XIX-XX веков. Л.: Наука, 1991. С. 65.
7. Кристиан Д. Символисты и декаденты. М.: Искусство, 2000.
8. Мережковский Д. С. Лев Толстой и Достоевский. М.: Наука, 2000.
9. Парнов Е. И. Собрание сочинений: в 2-х т. М.: Мир книги, 2006. Т. 1.
10. Элиаде М. Миф о вечном возвращении. Образы и символы. Священное и мирское // Элиаде М. Избранные сочинения / пер. с фр. А. А. Васильевой, Ю. Н. Стефанова, Н. К. Гарбовского; научн. ред. В. П. Калыгин, И. И. Шептунова; комм. Ю. Н. Стефанова. М.: Ладомир, 2000.

КОЭФФИЦИЕНТ КОРРЕЛЯЦИИ И НЕГАУССОВОСТЬ ИСТОРИИ ВЕРХОВ

Воронин Владимир Сергеевич

Волжский гуманитарный институт (филиал) Волгоградского государственного университета

1. Коэффициенты корреляции сроков жизни и правления в России и Франции

Формула корреляционного коэффициента r взаимосвязи двух величин:

$$r = \frac{\sum_{i=1}^n X_i Y_i - n X_c Y_c}{\sqrt{\sum_{i=1}^n X_i^2 - n X_c^2} \sqrt{\sum_{i=1}^n Y_i^2 - n Y_c^2}}$$

Иногда эту формулу записывают по-другому. Разделив числитель и знаменатель формулы на n , получим:
 $r = C_{xy} / (\sigma_x \sigma_y)$

Здесь σ_x и σ_y - средние квадратические отклонения величин X и Y , а C_{xy} - ковариация двух данных рядов

данных X и Y и $C_{xy} = \frac{\sum X_i Y_i}{n} - X_c Y_c$

Коэффициент корреляции r обычно лежит в границах от минус единицы до плюс единицы, т.е. $-1 \leq r \leq 1$. С приближением к этим границам корреляционная связь становится все более сильной и переходит в функциональную. Когда коэффициент корреляции становится отрицательным, это означает, что с увеличением первого ряда данных X второй ряд данных Y уменьшается. Более дробное подразделение связей по степени интенсивности в зависимости от коэффициента r таково: 1) $r = 0$ - связь отсутствует; 2) $r < 0,3$ - слабая связь; 3) $0,3 < r < 0,5$ - умеренная связь; 4) $0,5 < r < 0,7$ - заметная; 5) $0,7 < r < 0,8$ - сильная; 6) $0,8 < r < 0,9$ - тесная; 7) $r > 0,9$ очень сильная; 8) $r = 1$ - функциональная зависимость. Как видно из самой формулы, она симметрична относительно X и Y .